

ТЕЛЕГЕРОИ И ИХ НАРОД

Выставка Дмитрия Гутова в галерее Марата Гельмана

Дмитрий Гутов заставил собственных родителей позировать для фотoinсталляции.

Независимая газета. 2001. — 27 янв. — с. 7

Евгения Кикодзе

В ГАЛЕРЕЕ Гельмана открыта выставка московского художника Дмитрия Гутова «Мама, папа, я и телевизор». На центральной, «ударной» стене против входа находится большая фотография, изображающая двух пожилых сельских жителей, находящихся в большом душевном волнении: по этой причине они вооружились вилами и косой, готовясь, видимо, отразить нападение. По всем же остальным стенам, от пола до потолка и почти вплотную друг к другу, размещаются крупноформатные портреты тех, кого мы часто видим по телевизору, — Диброва, Немцова, Rogozina и других. Это и есть другая сторона конфликта — правда, ничего о нем не подозревающая.

Телевизионные герои находятся всецело в своем настроении, словно в забытии: кому-то посылая улыбки, о чем-то хмурясь, перед кем-то надменно выпячивая губу. Перед зрителем разворачивается хорошо узнаваемая давнишняя оппозиция «слуг народа» и собственно народа, этими своими «слугами» чрезвычайно недоуменно связывается инициатива радикальных социальных перемен в обществе, рулевых, которыми и грозят в негодованиях пассажиры хвостового вагона.

Разоблачение персонажей, находящихся у руля власти и отвечающих за состояние умов сограждан (за поврежденное состояние), — цель выставки. Художник Дмитрий Гутов говорит: «Что такое слова? Любой человек может выучить любой текст, тем более, если перед ним идет бегущая строка — он только читает. Прислушиваться к этому, улавливать в этом какой-то смысл мне представляется пустым занятием. Конечно, я слушаю

Дмитрий Гутов родился в Москве в 1960 году. В 1992 году закончил Институт живописи, архитектуры и скульптуры имени И.Репина в Санкт-Петербурге, отделение истории и теории искусства. Начало творческой деятельности связано с выставками «Галереи в Трехпрудном» в 1990 г. С тех пор принял участие более чем в тридцати художественных выставках в России и за рубежом, в том числе в Венецианском биеннале и «Манифесте».

новости, но слушаю их по-своему. Ведущий ведь не может поменять ландшафт своего лица — он такой, какой он есть, все его внутренние качества, пороки, образ жизни, спортивный или нет, весь его внутренний мир на нем отражается.

В этом отношении я поклонник классического искусства, которое в течение тысячелетий старалось показать связь между внутренним миром человека и тем, как он проявляется в пластике лица. Эта пластика меня захватывает и сегодня. Мне важен тембр голоса ведущих, интонации, но никак не то, что они говорят. Я не мыслю в категориях правда-неправда, не занимаюсь выяснением, соответствуют ли слова какой-то реальности. Тембр голоса говорит о том, что данный человек озабочен вообще другими вещами, и текст, который он воспроизводит, для него как рубашка, которую он может скинуть и надеть другую.

Что такое человек, который непрерывно маячит на телеэкране? Это персонаж, прошедший грандиозное сито отбора, — раньше столько времени надо было, чтобы сделаться членом политбюро, и поэтому туда попадали люди с очень определенными лицами.

Любопытна позиция самого автора по отношению к двум проти-

воборствующим сторонам: с одной стороны, как приверженец идеи демократических свобод, он не может и не хочет полагать себя вне «народных интересов» и даже всячески акцентирует свою кровную связь с ними: «Это — мир моих эмоций, моих переживаний, моих чувств. В данном проекте я просто объяснил своим родителям, людям необыкновенно и разносторонне талантливым, в самых разных областях, что мне нужно. Я отснял тысячи кадров, прежде чем получил то, что хотел. Долго подбирался антураж, менялась одежда, долго ждали осень — чтобы березы пожелтели, ждали также нужного освещения», — говорит художник.

Сам Дмитрий Гутов, несмотря на заявленную солидарность с народом, вполне мог бы представлять кого-то из своих массмедийных героев — у него тоже хорошая стрижка и красивый галстук, который он не поменял на ватник даже для вернисажа своей персональной выставки, подражая тем самым такую же свободу и в отношении своих зрителей и в целом сограждан. В самом деле есть что-то удручающе убогое в нашей привычной черно-белой «нарезке» окружающей действительности: если честная, то обязательно бедность (читай так же — трудовая, талантливая, недооцененная, патристическая...), если лживая, то обязательно власть, во всем многообразии партий или массмедийных персон. Как будто не существует в конце концов гадких, сумасшедших и опасных пенсионеров — да нет же, именно что существуют, убеждаешься здесь (при всем уважении к талантливой игре родителей художника). Поэтому одно из самых приятных впечатлений от выставки — вернисажная толпа, распивающая вино и мирно болтающая в просторстве галереи, куда, к счастью, не могут сойти ни власть предрержащие персонажи со стен, ни их воинственная оппозиция.

91

75